

МОДЕЛЬ КТО НЕ КТО В РУССКОЙ ПАРЕМИКЕ

Одной из основных функций языковой системы является кумулятивная – функция хранения этнокультурно-значимых сведений о мире. Эта функция реализуется не только на уровне лексики, но и в разнообразных устойчивых словесных комплексах. В частности, речь идёт о паремиях (пословицах и поговорках) – устойчивых в языке и воспроизводимых в речи анонимных изречениях, пригодных для употребления в дидактических целях. Мысль об отражении в proverbially пространстве народного мировидения отчётливо сформулирована ещё в первой половине XIX века И.М. Снегирёвым: “Ни в каком употреблении речи столько не обнаруживается характер и образ мыслей народа, или лучше сказать, весь народ, как в своих пословицах, в коих он обличает себя” [7, 152]. Притом что в общем виде паремии разных народов в соответствии с отражением единой логики мышления “очень близки друг другу, несмотря на всю их этническую, географическую, историческую и языковую специфику” [5, 20], в паремиологическом фонде каждого народа обнаруживаются модели, специфика которых обусловлена как особенностями синтаксиса конкретного языка, так и характером образов и активностью эксплуатации данных моделей. Интенсивность реализации модели свидетельствует о её значимости в сознании носителей языка.

Поскольку человек осваивает мир, выявляя степень сходства познаваемого с уже известным и устанавливая признаки, которыми новое отличается от прежде познанного, постольку справедлива мысль А.А. Потемкина о сравнении как основе познания мира [6, 121-122].

В числе русских паремий в изобилии встречаются такие, образную основу которых составляет собственно сравнение (например: *Наш воевода, что понурая кобыла: за повод возьми, да куда хошь веди; Все прошло, как огнём прижгло*; здесь и далее паремии цитируются по [3]) или сопоставление (например: *Ныне народ хуже прошлогоднего: пришёл ввечеру, а вышел поутру – скажут, что ночевал; Перо легче цепа*) и др. Предмет внимания может открыто сравниваться/сопоставляться с другим, сходство обоих оказывается явным и отчётливо осознаваемым независимо от того, эксплицировано ли основание сравнения, ср. также следующие примеры: *Богатство – вода: пришла и ушла* (признак неконстантности назван открыто: *пришла и ушла*); *Ни отец до детей, как Бог до людей* (понимая, что отец по отношению к детям выступает как глава семьи, субъект, проявляющий заботу, оберегающий их от опасностей и т.п., можно сделать вывод, что Бог выступает в этой же роли по отношению ко всем людям и делает это гораздо лучше, чем даже родной отец, переживающий за своих детей; признак ‘заботливость’ имплицитно, но ощущим).

При сопоставлении в центре внимания оказывается соотносительная ценность или ситуативная значимость предметов (к уже приведённым паремиям можно добавить и такие: *Лучше быть молотом, чем наковальней; Коза на горе выше коровы в поле*). Заметно, что в обеих группах паремий сравниваются или сопоставляются реалии одного уровня конкретности. В этом случае познание действительности, обеспечиваемое семантикой и внутренней формой паремий, носит направленный характер. Адресат сообщения получает уточнённые сведения о качествах, свойствах предметов речи.

Однако proverbially пространство включает и такие изречения, в которых операция сравнения или сопоставления не ведёт к прямому указанию на чётко сформулированное или явно прогнозируемое сходство. Сообщается лишь об отсутствии тождества между сравниваемыми предметами, а основание сравнения эксплицируется не всегда. Внешняя расплывчатость результата познания обеспечивается реализацией общей модели *A не B*, что предполагает введение в грамматическую структуру паремии отрицания, ср.: *Рубище не дурак, а золото не мудрец; Человек не глина, а дождь не дубина; Звон не молитва, крик не беседа*.

Паремии, созданные по общей модели *A не B*, уже попадали в поле зрения паремиологов. Так, Т.Г. Бочина в одной из работ определяет их как “пословицы образной дезидентификации” [1, 65] и на примере сопоставительного анализа паремий, построенных по частной модели *A не B: B* (*Голод не сосед: от него не уйдешь; Береза не угроза: где стоит, там и шумит*; и т.п.) в сопоставлении с загадками, заговорами, гаданиями и иными фольклорными текстами демонстрирует обусловленность выбора сравниваемых образов влиянием древнего мифологического мышления. По мнению Т.Г. Бочиной, “пословицы дезидентификации своей образностью обязаны сплаву стереотипных мотивов, закрепивших в коллективном сознании смежность самых разнообразных объектов и явлений жизни”, и “первоначально “образ” был не результатом оригинального остроумного мышления, а лишь подчеркиванием различий того, в чем ранее виделось подобие и сходство” [1, 74].

Признавая обоснованность выводов данного исследователя в отношении описываемого в его статье материала, стоит задаться вопросом: проявляется ли указанная Т.Г. Бочиной закономерность во всех случаях реализации в русском провербиальном пространстве общей модели *А не Б* или типы сопоставляемых образов накладывают ограничения на влияние мифологического мышления.

Во всех паремиях модели *А не Б* (*А* не тождественно *Б*) ставится акцент на том, чем или каким не является некий объект внимания, и всё же в ряде случаев модель конкретизируется указанием на причину (*А не Б, потому что В*) или степень (*А не Б, но сходство есть*) нетождественности. Что касается адресации к мифологическому мышлению, то, думается, именно тип объекта обуславливает её наличие или отсутствие. Важной здесь представляется оппозиция “человек – окружающий мир”.

Всю массу паремий модели *А не Б* можно разделить на группы единиц, тем или иным образом связанных с категорией одушевлённости/неодушевлённости. Общая модель *А не Б* проявляется в частных моделях: *что не что, что не кто, кто не что, кто не кто*. Разнообразие окружающего мира обуславливает множественность контактов людей с его элементами и создаёт необходимость детализации характеристик этих элементов. Поэтому в провербиальном пространстве из вышеперечисленных частных моделей активнее наполняется модель *что не что*, включая реализацию модели *что не что почему* и *что не что, но сходство есть* (346 единиц в материале статьи). Активность модели *кто не кто* (включая реализации модели *кто не кто почему* и *кто не кто, но сходство есть*) заметно ниже: единиц, созданных по ней, в материале было обнаружено всего 108. В единицах данной модели объектом сравнения чаще всего выступает человек (77 паремий, например: *Рассказчик не приказчик; Вор не брат, а потаскуха не сестра*; и т.п.), причём в восьми случаях параллельно в качестве объекта сравнения выступает представитель животного мира, ср.: *Рак не рыба, кожан не птица, баба не человек; Не скот в скоте – коза, не зверь в зверях – еж, не рыба в рыбах – рак, не птица в птицах – нетопырь, не муж в мужьях, кем жена владеет*; и т.п. Ещё 18 паремий в своей образной структуре определяют характеристику животного: *Гусь свинье не товарищ; Без пастуха овцы не стадо*; и т.п. Наконец, в шести паремиях объектом сравнения является Бог: *Бог не как свой брат, скорее поможет; Бог не Никитка, повыломает лытки*; и т.п. Все три типа сопоставляемых субъектов в большинстве случаев (91 единица) сравниваются с человеком, причём это индивид, рассматриваемый как носитель некоего постоянного – врождённого или приобретённого – качества (*Косой – не слепой; У скупого – не у скудного; Не жилой – не живой*); как представитель лиц определённого рода деятельности (*Грамотей – не пахарь / не работник; Солдат не вор, да плащ его хапун; Невольник не богомольник*); как обладатель социального статуса (*Знает и крестьянин, что поп не боярин; Давно то было баяно, что жена не барыня*) или как лицо, связанное с другими людьми отношениями родства либо иных межличностных связей (*Чужой сын – не детище; Мамка не матка; Иноходец в пути не товарищ, а больной в избе не сосед*).

Анализ единиц, реализующих частную модель *кто не кто*, убеждает, что в их кругу сравнение имеет по большей части прагматическую направленность. Об апелляции к мифологическому сознанию здесь можно говорить лишь как об исключении: Такие ассоциации возникают только в немногих пословицах, где объект сравнения – Бог (ср.: *Бог не Макошь (Мокошь), чем-нибудь да потешит*) или представитель фауны (волк, лебедь, сокол, сова), образ которого в славянских культурах может выполнять символическую функцию: *Волк не пастух, а свинья (а козел) не огородник; Сколько утка ни бодрись, а лебедем (а гусем) не быть; Хоть под небеса летай, а сове соколом не быть*. Тем не менее, как и в кругу паремий, где сравниваются образы вещей, точкой отсчёта оказывается стереотипное представление, закреплённое в народном сознании и поддерживаемое другими паремиями (в том числе и не содержащими в своём составе отрицания). К примеру, в пословице *Убогий не гость* реализуется мысль о том, что отсутствие у человека материального достатка создаёт для него препятствия в общении, он становится нежеланным, его избегают, от него отворачиваются. Таким образом, гостеприимство и – шире – общение, поддержание межличностных контактов зачастую выступает как результат меркантильного подхода к жизни. Действительно, такую мысль можно обнаружить, обратившись к другим русским паремиям: *Убогого не зовут на пир; Убогий за порогом стоит; На богатого ворота настезь, на убогого запор; Бедному нигде места нет; Сытый голодного, а богатый бедного не знает; Богатый бедному не брат; Без денег – и окольниковый; Без гроша – слава нехороша; Без рубля – без ума; С деньгами мил, без денег постыл; При деньгах Панфил всем людям мил, без денег Панфил никому не мил (или: всем постыл); Худ Роман, коли пуст карман; Ир Крезу не товарищ*; и др.

Анализ внутренней логико-семантической близости, объединяющей единицы анализируемой модели *кто не кто* в группы, позволяет выявить следующие логемы – логико-семантические единицы обобщённого характера, под которые могут быть подведены целые группы

паремий, различающихся своими индивидуальными значениями (логема – термин, используемый при осмыслении проблемы взаимосвязи единиц языка и мышления П.В. Чесноковым [8, 284], а по отношению к пословицам – Ю.А. Гвоздарёвым [2, 10]).

Логема 1. При внешнем подобии субъектам определённого типа некий субъект, не обладая важным для этого типа качеством, не может быть приравнен к ним сущностно. Известное сходство не означает тождества.

Паремия может намекать на отсутствие важного признака лишь в самом общем виде, избегая точной отсылки к его сути: *Наш Иуда не как люди: Жил – не сосед; помер – не крестьянин (не покойник); Жил не крестьянин, помер не родитель*. Но в целом такая обтекаемость отрицания при реализации модели *кто не кто* в провербиальном пространстве редкость. Обычно же, как уже говорилось, тот, кого сравнивают, подводится под некий стереотип или эталон. Пословица сообщает, что объект сравнения стереотипу/эталону не соответствует: *Не жилой – не живой* (то есть ‘нежизнеспособный не может характеризоваться как живой’); *Рифмоплет – не поэт* (‘одного умения рифмовать слова недостаточно, чтобы характеризоваться как поэт’); *Поп как поп, да попадья не поповна* (у данной паремии общая логико-семантическая структура сложная, отрицательное, дезидентифицирующее сравнение влияет на паремиологическое значение на уровне внутренней формы, рисуя образ “неполноценной” попадья, принадлежность которой к семье попа обусловлена только замужеством, но не собственным происхождением: видимо, её отец не был попом); и др.

В 15 паремиях, подводимых под данную логему, правомерность применяемой к человеку номинации отрицается через прямое указание на отсутствие конкретного обязательного атрибута, ср.: *Бескосый – не косец; Без топора не плотник, без иглы не портной; Без коня не казак; Без мужа не жена* и т.п. (отсутствующий атрибут не позволяет субъекту выполнять главную функцию); *Без индейского петуха, без борзого кобеля – не помещик* (отсутствующие атрибуты третьестепенны, они упоминаются явно в ироническом ключе).

Логема 2. При внешнем подобии субъектам определённого типа некий субъект не может входить в их число, поскольку обладает признаком, противоречащим их сущности (29 единиц): *Продешевил, так не купец* (купец должен уметь торговать с выгодой); *Холоден, голоден – царю не слуга* (солдат может воевать, только если находится в хорошей физической форме); *Наша Дунька не брезгунька, жрет и мед* (капризный человек привередлив в еде; данная паремия носит иронический оттенок, поскольку образ капризного человека создаётся с отсылкой к парадоксальной ситуации: им отвергается лакомство, а не пища плохого качества) и т.п.

Логема 3. Обладание неким отрицательно оцениваемым признаком не позволяет лицу войти в круг субъектов, в определённом отношении оцениваемых высоко, ср.: *Шаркун – не делец; Слепой зрячему не указчик; Человек – не ангел*; и др. Пословицы фиксируют отсутствие тождества, не указывая в развёрнутом виде причины невозможности отождествления двух лиц. Однако причина каждый раз легко выводится из анализа номинации объекта сопоставления, поскольку последняя отсылает к признаку, который не может обнаруживаться у того, с кем сопоставляется объект. Сопоставляемый обычно оказывается менее ценным по сравнению с тем, с кем сопоставляется.

Всего в семи паремиях объект сравнения оказывается выше по степени ценности, чем другой, сопоставляемый с ним. При этом только в одном случае указано качество (быстрота, стремительность), дающее бесспорное преимущество первому: *Елень быстра, не коню сестра*. В остальных шести пословицах объект сравнения всё-таки не идеален, и лишь вхождение в некий круг других, подобных ему, обеспечивает ему преимущество перед тем, с кем он сопоставляется: *Конь горбат, не мерину брат; Боярин и в рубище не брат; Косой – не кривой* и др.

Комплекс характерных для сопоставляемого субъекта свойств мыслится как константный и неизменный. Попытки как-то улучшить набор его качеств паремии признают безуспешными: *Сколько утка ни бодрись, а лебедем (а гусем) не быть; Хоть под небеса летай, а сове соколом не быть; Хоть тресни синица, а не быть журавлем; Курице не петь петухом (а и спеть, так на свою голову); Не быть курице петухом, а бабе мужиком*. Обратим внимание, что именно тогда, когда пословица стремится подчеркнуть непреодолимость различий, несоответствие не просто стереотипному, а эталонному представлению, происходит отсылка к мифологическому мышлению через символичный анималистический образ. Категоричность оценки объекта сравнения, убеждённость в невозможности повысить его ценность подчёркивается введением инфинитива (*быть, петь*) с отрицанием *не*.

И всё же, думается, далеко не всегда введение образ животного означает обращение к глубинным мифологическим ассоциациям. Так, в сборнике В.И. Даля помещено четыре внешне очень похожих между собой пословицы: *Обреченная скотина – не животина; Посуленная скотина – не животина; Вольная (чужая) скотина – не животина; Проданная скотинка не своя животинка*. Три из них различаются только атрибутивным компонентом, в четвёртой

добавляется определительное местоимение *своя* и существительные употребляются в диминутивной форме. На деле эти четыре паремии вряд ли можно считать абсолютно однородными. Как кажется, два первых изречения связаны с мыслью о языческом жертвоприношении. Отсюда – определения *обречённая* (= выбранная для жертвоприношения) и *посуленная* (очевидно, также обещанная для принесения в жертву). Если согласиться с такой трактовкой, то семантику существительного *скотина* в рассматриваемых двух пословицах можно вслед за В.И. Далем определить как “животное, всё, что живёт” [4], а общая семантика этих единиц близка к значению пословицы *Не жилой – не живой*. Два оставшихся изречения в словах *скотина*, *скотинка*, вернее всего, подразумевают реализацию значения “Домашний скот всякого рода, и живность или птица” (там же), которое обеспечивает формирование общего паремийного смысла ‘распоряжаться можно только тем, что тебе принадлежит’. На это отчасти намекают и определяющие слова *вольная*, *чужая*, *проданная*, *не своя*, маркирующие признак принадлежности / непринадлежности животного как разновидности имущества хозяину.

Таким образом, к представителям животного мира дезидентифицирующая паремия может подходить и с меркой их полезности, пригодности к использованию человеком.

Прагматический подход к оценке сравниваемых животных можно усмотреть и в паремиях, где говорящий ранжирует их по наличию/отсутствию силы (*И большой таракан не мерину чета*) или по способности взаимодействовать с аналогичными себе субъектами, ср.: *Лошадь с ходою в пути не товарищ; Иноходец в пути не товарищ, а больной в избе не сосед*.

Логема 4. Наличие у субъекта некоего признака, повышающего или понижающего его потенциал в сравнении с другим субъектом, обуславливает невозможность их взаимодействия или уравнивания: *Конный пешему не товарищ; Слуга барину не товарищ; Один солдат – не полк* и др.

Логема 5. Взаимодействие двух разных по набору качеств субъектов невозможно из-за различия их сущности (*Гусь свинье не товарищ*).

Подавляющее большинство паремий модели *кто не кто* ставит целью именно дезидентификацию, но в отдельных случаях (таких паремий в материале всего шесть) демонстрируется её относительная нейтрализация. Тогда обнаруживается реализация частной модели *кто не кто, но сходство есть*, ср.: *Петух не человек, а скажет и баб научит; Мужичок не кочеток, а драться хочет Милый не злодей, а иссушил до костей*; и др.

Список использованных источников

1. Бочина, Т.Г. Пословицы образной дезидентификации в свете идей Н.В. Крушевского и А.А. Потебни / Т.Г. Бочина // Николай Крушевский: научное наследие и современность: Матер. Междунар. науч. конф. “Бодуэновские чтения” (Казань, 11-13 дек. 2001 г.): Секция “Николай Крушевский: жизнь и научное творчество (к 150-летию со дня рождения)” / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Новое знание, 2002. – С. 65-75.
2. Гвоздарёв, Ю.А. “Свод народной опытной премудрости”. Вступительная статья / Ю.А. Гвоздарёв // Пригоршня жемчужин. Пословицы и поговорки народов Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1988. – С. 3-12.
3. Даль, В.И. Пословицы и поговорки русского народа / В.И. Даль [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.aphorism.ru/dal>.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/dal/>.
5. Пермяков, Г.Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише) / Г.Л. Пермяков. – М.: Наука, 1970. – 240 с.
6. Потебня, А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка / А.А. Потебня // Теоретическая поэтика. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 55-131.
7. Снегирёв, И.М. О пословицах русских / И.М. Снегирёв // Словарь русских пословиц и поговорок; Русские в своих пословицах. – 2-е изд. – Н. Новгород: “Три богатыря”, “Братья славяне”, 1996. – С. 151-158.
8. Чесноков, П.В. Основные единицы языка и мышления / П.В. Чесноков. – Ростов-на-Дону: Ростовское книжное изд-во, 1966. – 288 с.

Анотація. У статті йдеться про паремії, які реалізують заперечне порівняння і які утворені за частотною моделлю *хто не хто*. Матеріал приводить до висновків, що, на відміну від паремій, які відповідають окремим моделям *що не що*, *що не хто*, *хто не що*, образна основа яких базується на міфологічному мисленні давніх слов'ян, паремії моделі *хто не хто* пов'язані з прагматичним засвоєнням світу, що оточує людину.

Ключові слова: паремія, прислів'я, модель, загальна модель, окрема модель, заперечне порівняння, дезидентифікація.

Summary. The present paper deals with proverbs of negative comparison, derived from the particular pattern *who that is not who*. The message of the work is that in negative comparison with the particular patterns of mythological Slavic origin *what that is not what, what that is not who, who that is not what*, proverbial patterns *who that is not who* are connected with pragmatic aspects of human activity.

Keywords: *proverb, pattern, general pattern, particular pattern, negative comparison, disidentification.*

УДК 811.161.2242

Савчук Н.М.

ФУНКЦІЇ МОТИВАЦІЙНО ЗВ'ЯЗАНИХ СЛІВ У ХУДОЖНЬОМУ ТЕКСТІ (НА МАТЕРІАЛІ РОМАНУ ЛЮБОВІ ГОЛОТИ “ЕПІЗОДИЧНА ПАМ'ЯТЬ”)

У сучасній лінгвістиці спостерігається підвищений інтерес до вивчення мотиваційних процесів у лексиці. Вокремилася окрема галузь мовознавства – мотивологія, яка досліджує лексико-семантичне явище мотивації слів, сутність якого складають мотиваційні відношення лексичних одиниць, що охоплюють мотивовані і немотивовані слова мови [1, 17].

Мотивація як зв'язок між словами, що виявляє їх мотивованість, що, у свою чергу, визначається як структурно-семантична властивість слова, яка дозволяє усвідомити зумовленість зв'язку значення (семи) і звукової оболонки слова (лексеми) на основі співвіднесеності слова з мовною та позамовною дійсністю [1, 385]. Лінгвістичний аналіз мотиваційних відношень подано у працях А.Д.Аділової, О.І. Блінової, М.М.Гінатуліна, М.І. Голянич, М.Д.Голева, П.А.Катишева, Т.Р.Кияка, О.О.Селіванової, І.С. Улуханова та ін. Актуальним є такі проблеми: типологія мотиваційних відношень, типологія і функціонування мотиваційних ознак, зв'язок мотивації з категоріями семантики, фоносемантики, словотвору, опис мотиваційних зв'язків лексики різних тематичних груп та функціональних сфер, функції мотиваційно зв'язаних слів у різностильових текстах та ін.

Зокрема, мотиваційно зв'язані слова досліджують у різних функціональних сферах (розмовне діалектне мовлення, публіцистика, художній стиль). Цій проблемі приділено увагу у працях О.Й. Блінової, М.Д.Голева, Л.В.Дубіної, О.В.Найден, В.Г.Наумова, М.Н.Янценецької та ін. В українському мовознавстві у межах теорії мотивації таких досліджень немає (у деяких розвідках мотиваційно зв'язані слова розглядаються під іншим кутом зору (М.І.Голянич (внутрішня форма слова і художній текст) [2], О.О.Селіванова (ономасіологічна зв'язність) [4] та ін.). Саме тому актуальною є досліджувана, у пропонованій статті, проблема функцій мотиваційно зв'язаних слів у художньому дискурсі. Українська художня література ХХІ ст. (і проза, і поезія) фіксує динамічні процеси у мовленні, що потребує спеціального лінгвістичного аналізу, зокрема в аспекті теорії мотивації.

Мета статті: аналіз стилістичних функцій мотиваційно зв'язаних слів у художньому тексті на матеріалі роману Любові Голоти “Епізодична пам'ять”. Любов Голота відома насамперед своїми поетичними збірками, але роман “Епізодична пам'ять” засвідчує її талант прозаїка і є цікавим предметом лінгвістичного дослідження в аспекті актуалізації мотиваційних відношень.

Мотиваційно зв'язаними словами прийнято називати слова, які перебувають у відношеннях лексичної чи структурної мотивації і функціонують у межах речення (суміжних речень). Актуалізація мотиваційних відношень може бути повною (у межах одного тексту актуалізуються відношення як лексичної, так і структурної мотивації), або неповною (у межах одного тексту актуалізуються відношення або лексичної, або структурної мотивації). У лінгвістиці існує поняття мотиваційного блоку, тобто сукупності мотиваційно зв'язаних слів у складі пар (зчеплень, ланцюжків), що виконують у поетичному тексті одну художню функцію [1, 380]. На нашу думку, термін *мотиваційний блок* можна застосовувати і до прозових текстів. Виділяємо такі моделі мотиваційно зв'язаних слів (мотиваційних блоків):

1. Лексична мотивованість:

- спільнокореневі слова (твірне і похідне слово): “Ось він, нестаріючий клаптик синтетики, мати декорувала його вишневою шерстю зношеною нею хустки, наче *мак* розцвів на материній ковдрі, – була дочка як *маківка* і раптом змарніла, поблідла, стала мовчазною, – увечері щоки